

ЛЮБИМЫЙ  
ДЕТЕКТИВ  
АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ



---

Перри – царствующая королева  
викторианского детектива.

*People*

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое  
убийство вкупе с постыдным  
социальным казусом – и она напишет  
такой викторианский детектив, которому  
позавидовал бы сам Диккенс.

*The New York Times*

Мало кто из создателей детективов  
в духе Артура Конан Дойля может так  
красочно воспроизвести атмосферу  
викторианского Лондона, так точно  
прорисовать его детали и воссоздать  
настроение той эпохи, как Перри.

*San Francisco Chronicle*

Если вы купили очередную историю  
от Энн Перри, вы можете смело  
рассчитывать на то, что она будет  
превосходна.

*The San Diego Union Tribune*

---

# ЭНН ПЕРРИ



СМЕРТНАЯ ЧАША  
ВЕСОВ



МОСКВА  
2018

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44  
П27

Anne Perry  
WEIGHED IN THE BALANCE  
Copyright © 1996 Anne Perry

**Перри, Энн.**

П27      Смертная чаша весов / Энн Перри ; [пер. с англ. А. И. Кириченко]. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-04-096145-0

Блестящий лондонский адвокат Оливер Рэтбоун совершил крупную ошибку — взялся защищать знатную особу, привлеченную к суду за клевету, причем, похоже, совершенно заслуженно. Ведь его подзащитная обвинила не кого-нибудь, а знаменитую принцессу Гизелу, и не в чем-нибудь, а в убийстве собственного мужа, кронпринца Фридриха! Хотя вся Европа восхищалась историей их великой любви вот уже двенадцать лет, с тех пор как Фридрих из-за женитьбы на Гизеле отрекся от короны у себя на родине и отправился в изгнание... Так что сама мысль о подобном преступлении показалась бы присяжным кощунством. Теперь Рэтбоуну предстоит либо найти доказательства правоты своей подзащитной, либо распрощаться с карьерой. Но на помощь другу приходит инспектор Монк...

УДК 821.111-312.4  
ББК 84(4Вел)-44

© Кириченко А. И., перевод  
на русский язык, 2016  
© Издание на русском языке,  
оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096145-0

*Посвящается Джейн Мерроу  
в знак дружбы*



...ты взвешен на весах  
и найден очень легким...

*Дан. 5:27*

## *Глава 1*

Сэр Оливер Рэтбоун сидел в своих служебных апартаментах на Вер-стрит и с видимым удовлетворением оглядывал кабинет. Этот человек находился в зените своей карьеры. Возможно, он был самым уважаемым адвокатом Англии, и премьер-министр недавно с похвалой отозвался о нем перед ее величеством, которая сочла сэра Оливера достойным рыцарского звания из признательности за успешные деяния в сфере уголовной юриспруденции.

Кабинет юриста был обставлен со вкусом, однако неброско. Разумность и целесообразность преобладали в нем над желанием произвести впечатление на клиента, и при этом необходимым считался комфорт. Помещение за дверью было заполнено клерками, которые читали, считали, листали справочники и оказывали любезный прием тем, кто обращался к ним с разнообразными просьбами.

Рэтбоун почти закончил очередное дело. Он защищал одного почтенного джентльмена, которого, к сожалению, обвиняли в несколько неаккуратном обращении с государственными средствами. Оливер был совершенно уверен в благополучном завершении процесса. Сегодня он превосходно позавтракал в обществе епископа, судьи и одного из заслуженных членов парламента, и наступило время, когда следовало отдать внимание заботам текущего дня.

Однако адвокат едва успел подвинуть к себе папку с бумагами, когда в дверь постучали и в комнату заглянул клерк. На его обычно невозмутимом лице выразилось удивление.

— Сэр Оливер, вас желает видеть по важному и даже, по ее словам, неотложному делу графиня Зора фон Рюстов.

— Тогда введите ее, Симмс, — приказал Рэтбоун.

Он не удивился визиту графини. Посетительница, о которой сообщил ему помощник, была не первой титулованной дамой, которая приходила в его юридическую контору за советом. И конечно, не последней. Адвокат встал.

— Очень хорошо, сэр Оливер.

Симмс попятился и отвернулся, чтобы передать слова начальника кому-то невидимому, и через минуту в комнату быстро вошла женщина. Она шагала чуть враскачку, словно только что слезла с лошади. На ней было черно-зеленое платье с кринолином, но таким маленьким, что он вряд ли заслуживал подобного наименования. Дама была без шляпы, и ее волосы сдерживались в свободном пучке лишь черной сеткой. Перчатки графиня рассеянно держала в руке. Роста она была среднего, с прямыми плечами, и выглядела худощавее, чем следует, чтобы считаться по-женски привлекательной. Но зато лицо ее сразу привлекало внимание. Нос был несколько великоват и длинен, чувственный рот некрасив, а скулы чересчур высоки. Широко расставленные глаза смотрели из-под тяжелых полуопущенных век. Но вот фон Рюстов заговорила. Голос у нее был низким, волнующим, а дикция — великолепной.

— Добрый день, сэр Оливер.

Женщина стояла посредине кабинета совсем неподвижно и даже не оглянулась по сторонам, но сразу устремила на юриста живой, пытливый взгляд.



— Меня преследуют за клевету, — продолжила она. — Мне нужно, чтобы вы выступили в мою защиту.

Еще никогда к Рэтбоуну не обращались так свободно и просто. Если эта дама также заговорила и с Симмом, то ничего удивительного, что он был удивлен.

— Да, конечно, мадам, — сказал Оливер галантно. — Не соблаговолите ли сесть и рассказать про ваши обстоятельства? — И он указал на красивое, обитое зеленой кожей кресло напротив письменного стола.

Но посетительница осталась стоять.

— Дело очень простое. Принцесса Гизела... вы знаете, кто это?

Она вскинула брови, и теперь Рэтбоун разглядел, что ее замечательные глаза были зелеными.

— Да, вы, конечно, знаете. Это она обвинила меня в том, что я ее оклеветала. Но я в этом неповинна, — заявила Зора фон Рюстов.

Адвокат тоже остался стоять.

— Понимаю. Но что вы такое сказали, о чем она отозвалась как о клевете?

— А то, что она убила своего мужа Фридриха, кронпринца<sup>1</sup> моей страны, который отказался от трона, чтобы на ней жениться. Он умер этой весной, после несчастного случая во время верховой прогулки, здесь, в Англии.

— Но вы, конечно, этого так прямо не говорили?

Женщина немного вздернула подбородок.

— Я именно так и сказала! Однако по английским законам правда не является клеветой, не так ли?

Рэтбоун пристально смотрел на графиню. Она казалась совершенно спокойной и владеющей собой, но то, что эта дама говорила, не укладывалось ни в какие

---

<sup>1</sup> Кронпринц — в германских монархиях наследник престола.

рамки. Симмсу не надо было впускать ее. Она же явно неуравновешенная особа!

— Мадам, если...

Зора подошла к зеленому креслу и села, рассеянно расправив юбку, чтобы она не смялась. Все это время она не сводила взгляда с лица юриста.

— Разве правдивое высказывание не находится под защитой закона, сэра Оливер? — спросила она.

— Да, это так, — признал Рэтбоун. — Но говорящий должен доказать справедливость своего высказывания. Просто заявить, что это правда, равносильно повторению клеветы, если вы не можете продемонстрировать свою правоту. Но, конечно, это требует того же объема доказательств, как и уголовное дело.

— Объема доказательств? — переспросила графиня. — Есть только правда или только ложь. Каков объем доказательств в данном случае потребуется мне?

Сэр Оливер тоже сел на место и, несколько наклонившись вперед, начал объяснять:

— В науке какая-нибудь теория должна быть доказана, не оставляя на свой счет никаких сомнений, и это достигается демонстрацией того, что все остальные теории несостоятельны. Обвинение в убийстве тоже может быть доказано, несмотря на все разумные сомнения. Но ваше дело — гражданское, и все будет основываться на теории возможности. И присяжные вынесут вердикт в соответствии с теми аргументами, которые им покажутся наиболее убедительными.

— А это хорошо для меня? — напрямик спросила фон Рюстов.

— Нет. Принцессе нетрудно будет убедить присяжных в том, что вы ее оклеветали. Она может доказать, что вы действительно так говорили и что это нанесло ущерб ее репутации. Последнее будет доказать совсем нетрудно.

— И первое тоже, — заметила графиня, слегка улыбувшись, — я несколько раз говорила это публично. И вся моя защита лишь в том, что я говорю правду.

— Но вы можете это доказать?

— Вопреки всем разумно обоснованным сомнениям? — спросила женщина, широко раскрыв глаза. — Но тут возникает вопрос: что называть разумным? Я лично совершенно убеждена в своей правоте.

Рэтбоун откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу и очень учтиво улыбнулся.

— Тогда убедите, пожалуйста, и меня, мадам.

Неожиданно Зора закинула назад голову и расхохоталась. Это был звучный, искрящийся, веселый грудной смех.

— Вы мне определенно нравитесь, сэр Оливер! — воскликнула она, но тут же спохватилась и не без труда взяла себя в руки. — Вы англичанин до мозга костей, но я уверена, что это пойдет только на пользу дела.

— Разумеется, — осторожно ответил юрист.

— Да, разумеется. Все англичане и должны быть англичанами до мозга костей. Вы хотите от меня доказательств, что это Гизела убила Фридриха?

— Если будете настолько добры, — ответил Рэтбоун несколько скованно.

— И тогда вы возьметесь за дело?

— Возможно.

Процесс, конечно, потребует больших денежных затрат, отметил про себя Оливер. Пока же, насколько он мог судить, дело было довольно абсурдным.

— Как вы осторожны, — заметила фон Рюстов слегка насмешливо. — Очень хорошо, начну с самого начала. Полагаю, вы именно этого хотите? Не могу представить себе, что вы начали бы еще как-нибудь. Что касается меня, то я бы начала с конца — тогда все было бы настолько понятнее...

— Начните с конца, если вам угодно, — поспешно ответил адвокат.

— Bravo! — Его собеседница одобрительно взмахнула рукой. — Принцесса поняла, что убийство необходимо, и ей почти сразу же представилась возможность — так же зримо и реально, как визитка на серебряном подносе. Ей нужно было только взять ее в руки. Он пострадал во время верховой прогулки и лежал беспомощный.

Голос графини стал тише, и она слегка подалась вперед.

— Никто не знал, как тяжело он болен и сможет ли выздороветь. А Гизела была с ним одна. Она убила его. Вот и всё, — закончила Зора и развела руки в стороны. — Все кончено! — пожала она плечами. — Никто ее не заподозрил, потому что такое невозможно было и представить себе, да никто точно и не знал, насколько тяжело пострадал кронпринц, — и все поверили, что он умер от ушибов. — Графиня надула губы. — Все так естественно и так печально... — Она вздохнула. — Принцесса безутешна. Она в трауре, и вместе с ней скорбит весь мир. Что может быть проще?

Рэтбоун опять возрился на необыкновенную женщину, сидящую напротив. Да, она определенно некрасива, но в ней чувствуется большая жизненная сила. Даже когда она была спокойна, это все равно ощущалось и притягивало к ней и мысли, и внимание. И тем не менее то, что она говорила, нарушало границы приличия и почти несомненно содержало в себе элемент клеветы, подлежащей осуждению законом.

— Зачем принцессе нужно было так поступать? — скептически спросил сэр Оливер.

— Ах, ну вот, чтобы вы поняли, я и должна вернуться к началу событий! — печально согласилась графиня и, откинувшись назад, поглядела на собеседника

взглядом наставницы. — Извините, если я расскажу то, что вам уже известно. Иногда нам кажется, что наши дела столь же интересны другим, как нам самим, хотя, разумеется, это не так. Все же большинство людей в нашем мире знают о романтической истории любви Фридриха и Гизелы, знают, как наш кронпринц влюбился в женщину, которую его семья не хотела признавать, и как он отказался от престолонаследия, не желая предавать любимую женщину.

Рэтбоун кивнул. Эта любовная история завладела в свое время воображением всей Европы. Это был роман века — и именно поэтому обвинение в убийстве, выдвинутое против принцессы, казалось таким абсурдным, таким невероятным... Только хорошее воспитание мешало адвокату перебить фон Рюстов и попросить ее удалиться.

— Вы должны помнить, что наше княжество очень невелико, — продолжала графиня, улыбаясь, словно понимала его скептическое настроение и в то же время испытывала нетерпение. Вопреки рассудку она относилась ко всему со страстной предубежденностью. — Оно расположено в самом центре германских земель. — Женщина не отводила взгляда от лица юриста. — Со всех сторон мы окружены протекторатами и принципалитетами. Мы в самом центре волнений. Как почти вся Европа. Однако в отличие от Франции, или Англии, или Австрии, мы стоим перед возможностью объединения, хотим мы этого или нет, чтобы сформировалось одно большое германское государство. Некоторым эта идея очень нравится. — Она поджала губы. — Некоторым — нет.

— А это имеет какое-нибудь отношение к принцессе Гизеле и смерти Фридриха? — перебил ее сэр Оливер. — Вы считаете, что это было политическое убийство?

— Нет, конечно нет! Как вы можете быть столь наивны? — ответила Зора с утомленным видом.

«А сколько ей лет и какова была ее прошлая жизнь? — подумал вдруг юрист. — Кого она любила, кого ненавидела? Какие дерзновенные мечты лелеяла? Разочаровалась она в них или, наоборот, преуспела в их воплощении?» Фон Рюстов двигалась как молодая женщина, легко и горделиво, и казалось, что ее тело полно жизненных соков. Однако ее голос был уже не юным, а взгляд — слишком знающим, слишком пронищательным и уверенным в себе, какого не бывает у людей незрелых.

Рэтбоуна так и подмывало ответить сухо и официально, и он уже знал, что в его голосе прозвучит обида. Однако адвокат все же переменял свое намерение.

— Присяжные тоже будут наивны, мадам, — подчеркнул он, тщательно стараясь сохранять внешне невозмутимый вид. — Вам придется объяснить нам всем, почему принцесса, ради которой принц Фридрих поступил короной и своей страной, после двенадцати лет замужества внезапно убивает своего мужа. Мне кажется, в таком случае она должна была все потерять. Что она могла этим выиграть? Прошу вас представить мне убедительные доводы.

Монотонный шум уличного движения был нарушен криком носильщика.

Насмешливый огонек во взгляде Зоры угас.

— Мы должны снова обратиться к политике, но не потому, что убийство было политическим, — сказала она послушно. — Напротив, у него были исключительно личные мотивы. Гизела — в высшей степени практичная женщина. Вам известно, что женщин-политиков очень мало? Большинство из нас слишком импульсивны и непрактичны. Хотя это еще не преступление. Однако мне придется объяснить вам и политическую

подоплеку, иначе вы не поймете, что ей пришлось бы потерять и что — выиграть.

Графиня слегка переменяла позу. Даже очень небольшой кринолин, по-видимому, раздражал ее, и она явно предпочла бы обойтись без всех его преимуществ.

— Не хотите ли чаю? — предложил сэръ Оливер. — Я могу приказать Симмсу принести чайный поднос.

— Я буду слишком много болтать, и чай остынет, а я питаю отвращение к холодному чаю. Однако благодарю за предложение. У вас прекрасные манеры, такие корректные... Ничто вас не будоражит. Жесткая верхняя губа, чем вы, англичане, так славитесь... Меня это бесит и в то же время завораживает.

Рэтбоун с яростью почувствовал, как краснеет. Но графиня не обратила на это внимания, хотя не могла не заметить его смущения.

— Герцог Карл не очень хорошо себя чувствует, — продолжила она свое повествование. — Он никогда не отличался крепким здоровьем. И, говоря совершенно откровенно, мы все знаем, что он проживет не более двух-трех лет. Так как Фридрих в свое время отказался от трона, Карлу наследует его младший сын, кронпринц Вальдо, а он не против объединения земель, поскольку видит в этом кое-какие положительные стороны. Борьба же против объединения неминуемо повлечет за собой много неприятностей — вероятность войны, например, которую мы в конце концов проиграем. Единственные люди, которые на этом живут, — торговцы оружием и им подобные. — Лицо ее приняло презрительное выражение.

— Но мы говорим о принцессе Гизеле, — вернул ее к теме разговора Рэтбоун.

— Я как раз хотела к ней перейти. Фридрих выступал за независимость, даже если придется воевать.